

САМСОН ЛИВЕРМАН, АДЕЛЯ ХАЯЛЕЕВА*

ОТ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА К ЛОКАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ**

ОБ ОСНОВАНИЯХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ
«ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

Получено: 07.04.2023. Рецензировано: 12.09.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: В статье рассмотрена возможность понимания перевода в качестве языка современного мира. Авторы обращают внимание на то, что перевод сегодня становится значимым явлением не только в области языка и текстов, но и внутри политической, социальной областей. Приводится мнение ряда исследователей о необходимости рассматривать перевод не только как культурологическую, но как антропологическую и даже онтологическую проблемы. Основная цель исследования — определить «переводческий поворот» не только как продолжение и развитие лингвистического поворота (как предлагает его рассматривать автор термина Д. Вахманн-Медик), но и как его отрицание и противоречие. Отличие между поворотами авторы предлагают рассматривать как продолжение онтологической оппозиции между тождеством и различием, где язык и лингвистика будет на стороне первого, а перевод — второго. В качестве же экономико-исторического основания поворота от языка к переводу авторы предлагают рассмотреть переход от парадигмы глобализации к «глокализации». Отличительной чертой глокализационного капитала авторы считают появление платформ и связанных с ними систем производства и потребления. Главный вывод статьи — формулирование противоречия между эмансипаторным потенциалом переводческих практик и тотализирующей реализацией этого принципа в современном капитализме. Проводится аналогия с концептом дискурса у Фуко: если, согласно последнему, миссия интеллектуала заключается в обнаружении власти языка, то сегодня она может заключаться в обнаружении власти перевода.

Ключевые слова: перевод, культура как перевод, дискурс, лингвистический поворот, культурный поворот, переводческий поворот, различие, тождество.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-130-148.

*Либерман Самсон Александрович, к. филос. н., доцент, Казанский федеральный университет (Казань), samsonliberman@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9987-9905; Хаялеева Аделя Камилевна, к. филос. н., Казанский государственный медицинский университет (Казань), adel.alpen@gmail.com.

**© Либерман С. А.; Хаялеева А. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

ПОВОРОТ К ПЕРЕВОДУ

В начале XXI века многими исследователями артикулировались большие надежды на английский как язык нового глобального мира, эта идея «висела в воздухе». Однако спустя десятилетие она теряет свои позиции общепринятого мнения (Цукерман, Симановский, 2015: 152–156), Этан Цукерман рассматривает этот процесс как частный момент разрушения идеи глобального мира. Место универсального английского или «глобиша», как его называет Барбара Кассен, занимают национальные языки, а повсеместной практикой становится перевод. Например, силами локальных сообществ материалы на языках малых народов публикуются в международных проектах или местные новости о событиях внутри страны переводятся на мировые языки, встраиваются в мировую повестку и наоборот (там же: 157–158). Умберто Эко объявляет перевод языком Европы (Эко, Миролюбовая, 2007), сегодня эта тенденция вышла далеко за пределы континента.

Стоит сказать, что интуиция неуспешности проекта единого глобального мира, универсального языка общения существует довольно давно. У Хосе Ортеги-и-Гассета мы находим сюжет о том, как латынь, став универсальным языком для очень разных народов, в итоге изжила себя, разменяв свой внутренний потенциал на простоту и возможность быть повсеместной: «Вульгарная латынь пылится в архивах, как леденящая душу окаменелость, мертвый свидетель того, как под пятой вульгарной однородности агонизировала история, утратив животворное „многообразие ситуаций“» (Ортега-и-Гассет, Гелескул, 1998). Невозможность на одном языке выразить разнообразие народов Европы завершилось логично — смертью этого языка. Претензия латыни на универсальность и тотальность вывела ее из живой языковой практики в область трансцендентного, превратив в чистый, но мертвый язык науки.

Сегодня статус универсального языка приобретает сама процедура перевода, поэтому возникает необходимость проанализировать ее эвристические возможности с одной стороны, и опасности (аналогично власти языка в рамках лингвистических теорий и теории дискурса Фуко) — с другой. Сама возможность постановки вопроса об универсальности перевода становится возможна благодаря целому корпусу поворотов в науке, культуре и философии. Увидев в русскоязычном названии статьи термины «язык» и «современность», читатель может подумать, что речь снова пойдет о «лингвистическом повороте». Действительно, понимание перевода как философской проблемы кажется

логичным разворотом вопроса о статусе языка. И несмотря на несколько иной фокус нашего исследования, фраза «произошел лингвистический поворот», давно ставшая чем-то вроде клише и трюизма в культурно-философской литературе, все еще оставляет много вопросов, которые нам необходимо рассмотреть.

Их подробно исследует Дорис Бахманн-Медик (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017). Культуролог понимает лингвистический поворот как метасдвиг в парадигме науки и философии, который изменил облик гуманитарного дискурса XX века. Также Бахманн-Медик отмечает, что из-под влияния лингвистического нарратива выходят науки о культуре, что выражается в комплексе поворотов, которые произошли после лингвистического, объединенные программой «cultural studies». Среди культурных поворотов автор выделяет интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и иконический, каждый из поворотов рассматривается «в сцепке» с остальными, каждый последующий все больше выходит из-под влияния лингвистического поворота.

Специфика подхода Бахманн-Медик состоит в том, что повороты понимаются как новый этап в исследованиях культуры, каждый из которых раскрывает новый аспект в теории, не снимая предыдущих. Например, переводческий поворот раскрывается в контексте постколониальных дискуссий, а также изменений пространственных представлений о мире. Интерпретативный, перформативный и рефлексивный повороты оказались предтечами возникновения переводческого поворота, смещая акцент с языковой структуры на отношения внутри культур и между культурами.

В рамках переводческого поворота происходит расширение определения перевода и области его применения. Перевод не только опосредует операции между разными языками, но и включен в процесс индивидуальной речи и функционирует на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, обнаруживается, что перевод существует не только меж-, кросс-, но и внутрикультурно. Процедура перевода является важной процедурой для объяснения взаимодействий между акторами с позиции акторно-сетевой теории, которую иногда называют социологией перевода (Латур, Полонская, 2014). Такое расширительное понимание перевода, с одной стороны, позволяет увидеть его возможности и влияние далеко за пределами языка, с другой стороны, перевод рискует стать очередной звонкой метафорой в исследованиях

культуры и общества, не добавляя ничего к этим исследованиям. Поэтому, как отмечает Бахманн-Медик, переводческий поворот должен наполняться конкретными исследованиями. Итак, перевод становится не только универсальным языком коммуникации, но пронизывает все уровни бытия и события человека — от собственной речи, до процессов кросс-культурного, межкультурного переводов.

Одно из положений Бахманн-Медик в рамках переводческого поворота — определение культуры как перевода (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017: 292). Каждая культура включает в себя опыт переводов с других культур, суммирует опыт взаимодействия со множеством других типов культур. Но кроме межкультурных переносов, переводы происходят и внутри культур. Такое понимание исключает представления о культуре как о сакральном содержании, которую нужно охранять от воздействия извне. С одной стороны, определение культуры как перевода довольно метафорично, с другой стороны, как отмечает автор, оно постепенно наполняется конкретными практиками. Это перевод городских знаков, вывесок, официальных документов на сайтах на национальные языки; перевод эмигрантов в ряды граждан и выстраивание с ними гражданских отношений; перевод таких маргинальных языковых форм как феминитивы на уровень нормативного языка (или запрет на такой перевод) и т. д.

Изначально поворот произошел внутри теории перевода, когда в 80-е годы XX века на место практики «этноцентрического» перевода Антуаном Берманом была предложена концепция «этического» перевода (Берман, Бендет, 2011). Акценты смещаются с перевода текста на трансляцию смыслов, ценностей культуры, с которой совершается перевод. Практика перевода с ориентацией на читателя, а чаще всего это образованный белый европеец, не способствует налаживанию «горизонтальных» связей, а лишь укрепляет существующие иерархичные отношения. «Этическая» теория перевода предлагает на место универсальных знаков — практики открытости, взаимонаправленности, интерпретативности культур. Целью перевода в рамках «этического» подхода является не сделать текст оригинала понятным читателю, а побудить этого читателя открыться навстречу исследованию культуры, с языка которой совершался перевод. В свете этического подхода знаменитая итальянская поговорка «traduttore — traduttore» обретает новый смысл. Подлинный перевод — тот, который предает целевой язык, а не исходный.

Похожие соображения можно найти и в антропологии. Эдуарду Вивейруш де Кастру перефразирует Бенямина:

Хороший перевод — тот, которому удается сделать так, что чужие концепты начинают деформировать и разрушать концептуальный аппарат переводчика, дабы *intencio* исходного аппарата могло получить в нем выражение и соответственно трансформировать целевой язык (Вивейруш де Кастру, Кралечкин, 2017: 52).

Антропология как наука, которая традиционно «переводит» культуру туземцев на язык цивилизованного мира также оказалась ограничена этноцентрическим стилем перевода, что в конечном итоге оборачивается против самой дисциплины. Кастру предлагает проект антропологии, который должен произвести переворот оптики с антропологии с принципа отделения человеческого от нечеловеческого в пользу «несконечного гуманизма» (там же: 13).

Кроме того, разрушается иллюзия способности полевого этнографа предоставлять доступ к аутентичной чужой культуре. Джеймс Клиффорд отмечает, что культуры не застывают перед антропологом и не остаются неподвижными в процессе перевода (Clifford, 1986: 10). Этот же автор в статье «Об этнографическом авторитете» показывает, насколько этнографическое описание стоит в позиции зависимости от авторитета писателя и конвенций письма и изображения. (Clifford, 1983) В свете новой критики этнографические тексты и массовые формы передачи этнографических исследований переосмысляются в качестве культурных переводов.

Несмотря на то, что на перевод часто накладывают функцию сообщения, диалога, Бахманн-Медик отмечает, что главная движущая сила переводческого поворота — разрушение. Это разрушение сложившихся отношений, отношений власти, в том числе между центром и периферией. За этим разложением следует развитие постколониальных дискуссий, критики универсальных товарных знаков, практики взаимоперевода между национальными культурами и т. д. Но главное, что подвергается критике — это примат тождества над различием. Переводческий поворот должен разрушать привычные соотношения между культурами первого, второго, третьего и т. д. миров, а также препятствовать универсализации. Таким образом, функцией перевода становится артикуляция различий вместо сходств.

Но и этого по мнению многих недостаточно. Так, уже упоминавшийся Кастру предлагает проект «постструктурной антропологии», противопоставляемый привычному пониманию об этой науке как многотомном зеркале, в котором антрополог видит исключительно собственное

отражение, собственные инструменты, но не чужую культуру. Прежняя антропология строится на оппозиции своего-чужого, современного-немодерного, культурного-дикого и т. д., то есть пытается определить, чего нет у других и задает вопрос: что позволяет обозначить их как не-современных, не-западных, не-людей? Такая постановка вопроса уже предполагает ответ, где все культуры, отличные от моей сольются в «отрицательной инаковости». Программа «Анти-Нарцисса», предлагаемая Кастру, предлагает увеличивать незначительные множества. Его идея не в том, чтобы отказаться от различия, но сделать эти различия существенными. Он предлагает вместо анализа туземных народов в терминах европейской науки примерить антропологу позицию изучаемых сообществ — мультинационализм и перспективизм — буквально воплотиться в них, подобно шаманам, воплощающимся в тела животных или умерших людей.

Такие процессы буквально разрушительны, тот же шаман находится в пространстве между жизнью и смертью. Для переводчика это грозит разрушением собственного языка и ценностных ориентиров. Но, по мнению бразильского антрополога, только в таком виде возможен настоящий перевод.

Близкую по смыслу, но менее радикальную по воплощению критику европейских категорий находим у индийского историка Дипеша Чакрабарти. Он пишет, что перевод должен осмысляться не только кросс-культурно, но и кросс-категориально, т. е. на место универсальных европоцентристских категорий должна прийти открытость внеевропейским категориям и принципам (Чакрабарти, Бавин, 2017: 83).

Перевод должен был прийти на смену универсальному языку, но если перевод становится повсеместным, он рискует в себе воплотить старые черты тотальности. Существует риск его использования для поддержки европоцентричного или любого другого этноцентричного порядка. У Бахманн-Медик мы находим цитату исследователя постколониализма Хоми Бабы:

Каждое транснациональное культурное исследование должно всякий раз заново, в соответствии с локальной спецификой, «переводить» те элементы, которые децентрируют и дестабилизируют эту транснациональную глобальность, чтобы не оказаться под влиянием новых глобальных технологий потребления культуры и переваривания идеологии (Bhabha, 1994: 241).

За переводом всегда стоят люди, а значит и интересы (государств, корпораций, классов, платформ и т. д.). Например, когда всё большее

число языков добавляются в международные системы машинного перевода, имеет значение на основе каких текстов и каких алгоритмов этот перевод будет строиться. Если в качестве базы для обучения системы будет вноситься корпус официальной документации, это сформирует определенный стиль перевода. Если литературный стиль или стиль повседневной переписки в соцсетях — другой. «Перевод [...] состоит на службе у различия» (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017: 292), но и сам перевод, как только становится невидимым и регулярным средством, способен эти различия нивелировать и стать универсальным и тотализирующим языком.

Перевод — это некоторая неустойчивость, он всегда производится со сдвигом или смещением. Нельзя воспроизвести те же ощущения и отношения на другом языке, нельзя даже свой внутренний язык перевести в аналогичную речь, за исключением речи сумасшедшего (Руднев, 2000). Непостоянный характер перевода напоминает природу общественных отношений, неустойчивых связей, негарантированных и неопределимых. На перевод часто накладывают функцию возведения мостов между культурами, языками, субъектами, по которым можно пройти навстречу друг другу и слиться в экстазе узнавания. Но универсализация не предполагает построения новых отношений. Перевод возможен только там, где существуют различия и сегодня задача перевода — эти различия артикулировать и усиливать.

Язык, как мы знаем из текстов Мишеля Фуко и его последователей, — структура, претендующая на власть и тотальность. И чем менее язык заметен и «естественен», тем сильнее его власть и тем сложнее нам сопротивляться дискурсу. «Этический» же перевод, противостоящий «этноцентричному», то есть ориентированному на потребителя, помогает обнаружить эту власть, вывести ее из тени, тем самым ослабив ее влияние. Именно фукольдианское «обнаружение власти» является главной миссией интеллектуала, и перевод как обнаружение «непереводимостей» и «разрывов» в языке является одним из орудий такого сопротивления власти тотальности языка.

Таким образом, переводческий поворот не просто логично продолжает лингвистический поворот, но скорее наоборот: вместо универсального основания вводит мышление границами, предлагает искать и формулировать различия и множественность — культур, языков, структур, отношений. На место представлений о переводе как процессе, способствующего сближению культур, взаимопониманию, узнаванию чужого

приходит концепция перевода, который помогает разрушить привычные отношения власти и порядка. Перевод в его этическом замысле направлен на выстраивание границ и увеличение множественностей, понятый расширительно, он помогает выстраивать границы не только между культурами, но и кросс-категориально, внутрикультурно.

Перевод в качестве языка современного мира, следуя собственной логике открытости, неидеальности может работать только как потенциальная незавершенность, несовершенство. Это укладывается в логику непереводаемости «Европейского словаря философий» Барбары Кассен (Европейский словарь философий. Т. 1, 2015), которая обнаружила, формулу непереводаемости — то, что не перестает переводиться (Автономова, 2019). В то же время, перевод совершается людьми (или задается ими, если говорить о машинном переводе), поэтому он также не лишен идеологической направленности. От нас требуется осмотрительность в переводе и внимательное отношение к своему и чужому.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Важно, что мы рассматриваем переводческий поворот не просто как развитие и продолжение лингвистического, но в оппозиции к нему. В некотором смысле, мы отходим от первоначального замысла Бахманн-Медик о множестве разных поворотов, происходящих внутри развития *cultural studies*. Мы подменяем принцип «поворота к поворотам», который отсылает к культурной сложности и множественности (Федотова, 2019: 33) вполне жесткой бинарной оппозицией между универсальным языком как практикой тождества и уравнивания с одной стороны и переводом как практикой различия с другой. Это противопоставление является скорее риторическим, оно нужно, чтобы подчеркнуть разницу между лингвистическим поворотом и переводческим, выделить последний на фоне остальных поворотов. Но при этом придется отказаться от принципа объяснения многократной «поворотности» самой Бахманн-Медик (Bachmann-Medick, 2017: 48) — она считает таковым внутреннюю динамику развития культурологического знания, связанную с нелиберальной политикой производства науки.

Мы предлагаем понимать эту бинарную оппозицию между универсальным моно-языком и практиками перевода исторически, как следствие изменений внутри капиталистических отношений. Рассуждая таким образом, можно выделить две стратегии отношения к языку и языкам. Первую мы назовем условно глобалистской, она будет связана с представлением о едином языковом пространстве, сближении

культур и разрушению границ, вторую можно назвать «глокализационной», она связана с усилением «сепаратистских» тенденций, усилением межкультурных различий. Обе стратегии имеют свои исторические основания: глобалистской соответствует «состояние постмодерна», как его описывает «географический материалист» Дэвид Харви (Харви, 2019), а глокализационной — «надзорный капитализм платформ» Ника Срничека (Срничек, Добрякова, 2019) и Шошанны Зубофф (Зубофф, Васильев, 2022).

Повторимся, что этот путь определений является намеренно грубым и прямым упрощением. Мы далеки от того, чтобы вслед за теми же Ш. Зубофф и Д. Харви всерьез говорить об иерархических отношениях базиса и надстройки между культурой и экономикой (Колозариди, 2022: 256–257) (Сафронов, 2021: 212). Нам гораздо ближе оптика А. Левенхаупт Цзин, которая говорит о мешанине¹, ландшафтах и переводах в духе социологии перевода и АСТ или, как отмечают авторы одной из рецензий, «пост-АСТ» (Шалагинов, Сержан, 2018: 242), когда культурное оказывается неотделимым от экономического, а природное — от общественного (Цзин, Мартынова, 2017).

Несмотря на то, что мы продолжаем придерживаться указанного в первом разделе статьи пути удержания различий и множественности, в противовес глобальному слиянию всего со всем, сами парадигмы глобального и глокального, лингвистики и переводоведения необходимо четко развести. Грубость истмата и бинарных оппозиций в нашем случае оказывается оправданной для расстановки акцентов и проведения границ, пусть и условных.

Итак, гибкое накопление, которое описывает Д. Харви, с одной стороны приводит к усилению международных экономических отношений, с другой — оно выстраивает эти отношения иерархически по принципу центра и периферии. Вывоз материальных производств в страны третьего мира сделал мир единым и глобальным, однако он же создал и разрыв между странами первого мира и всеми остальными. Стратегия глобализации в этом смысле имеет в себе четко просматриваемую идеологическую составляющую — сокрытие этого разрыва. Суть «глобиша» состоит именно в этом: несмотря на то, что почти все производится в Китае/Бангладеше/Турции и т. д., а потребляется по всему миру,

¹Примечательно, что к переводу именно этого термина есть ряд претензий, на которые обращает внимание автор рецензии на эту книгу (Касаткина, 2018).

маркировка товара, в том числе указание на место производства, всегда будет на английском языке: «made in China».

Каков бы ни был труд по своей культурной и языковой принадлежности, его продукты встраиваются в мировой капитализм и предстают там отчужденно. И это отчуждение «говорит» на английском языке. «Частное, выдаваемое за всеобщее» — классическое определение идеологии вполне точно описывает этот процесс.

Еще одна характерная черта глобального мира — единое культурное пространство. «Фабрика грез» работает бесперебойно и без выходных — этот труд никуда не вывозится, наоборот: право голоса в мировом культурном пространстве узурпировано. Не только массмаркет, но и массовая культура производится индустриально и стандартизовано, и «глобиш» является одним из этих стандартов. Человек оказывается распротертым перед киноэкраном, который обрушивает на него единый стандартизированный поток массовой культуры. Метафора прямого подключения человека к потокам информации и культуры, распространенная в киберпанке, довольно точно схватывает этот процесс.

Но культур-индустрия, как ее описывает, например, Теодор Адорно, не только превращает артефакты культуры и символы в товар, которые от этого становятся стандартными и шаблонными. Она также превращает все товары в символы и артефакты. Почти в одинаковых выражениях и одинаковыми ссылками на идеологию как «форму товара» у Карла Маркса, эту особенность массовой культуры подмечают Славой Жижек (Жижек, Сафронов, 1999: 23) и Жан Бодрийяр (Бодрийяр, Кралечкин, 2007: 199–200). Именно «культурность» капитализма XX века, то есть выход на передний план «знаковой стоимости» товаров, позволила появиться философскому слогану «мир как текст» и заложила возможность лингвистического поворота.

«Кодирование» Ника Ланда, «мир-системы» Иммануила Валлерстайна, «самоорганизующаяся материя» в синергетике — все эти концепты призваны в числе прочего показать (1) совпадение знака и референта (2) ретроактивность системы, ее способность перезапускаться и самовоспроизводиться. Примером такого рода сущности может быть не только компьютерный код, но и генный, который не только является материальной и языковой структурой одновременно, но и механизмом саморегуляции. Кибернетический образ самоорганизующейся и самовоспроизводящейся информационной или знаковой системы, способной производить саморегуляцию через контролируемые отклонения — одна из главных метафор глобализации.

И эта парадигма, как мы уже говорили, скрывает противоречия между центром и периферией, разными культурами, языками и т. д., выставляя эти различия как момент тождества, который обязательно будет преодолен и снят в будущем, в духе гегелевской диалектики. Однако сегодня подобные попытки «ретушировать» границы и представить мир как единое целое и глобальную деревню как никогда кажутся наивными и неосуществимыми. Так почему же не оправдались «надежды глобалистов»? В том числе, потому что поменялась структура товарного и культурного производства.

Платформенный капитализм, как его описывает Ник Срничек (Срничек, Добрякова, 2019), представляет собой еще более виртуализированную систему, нежели привычный капитализм финансовый. Мы сегодня погружены не только в мировую систему денежных потоков и связанных с ними потоков товаров, желания и потребления, но и в систему просмотров, лайков, трендов, умную логистику и т. д.

Маркетплейсы избавились от «глобиша», заменив его машинным переводом (описание товаров на AliExpress стали мемом), уничтожив жесткую иерархию между производством и потреблением. Еще совсем недавно товарные потоки с необходимостью должны были быть стандартизированы и универсализированы посредством единого мирового языка, который соединял труд и капитал, производство и потребление. Сегодня платформы подключают одно к другому без опосредования единым языком. Хотя нельзя сказать, что это происходит «напрямую», просто «глобиш» был потеснен переводом на месте универсального посредника.

Важно отметить, что подобные процессы сопротивления глобализации существовали и до появления платформ. Как отмечала Бахманн-Медик, циркуляция мировых универсальных знаков только создает впечатление избыточности процесса перевода, на самом же деле без него не обойтись (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017: 256). Уже упоминавшаяся Анна Левенхаупт Цзин подробно исследует, например, как «свобода» оказывается одним из таких универсальных знаков или идеологом, скрывающих процессы перевода, в частности перевода «трофеев» и даров природы в рыночные товары и далее снова в подарки в духе экономики дара. Утилизационное накопление, то есть «создание капиталистической стоимости в некапиталистических стоимостных укладах» (Цзин, Мартынова, 2017: 170), а значит и процессы перевода между этими укладами, существуют на протяжении всей капиталистической эпохи.

Однако сегодня эти процессы перевода стали заметны и видимы, в том числе благодаря информатизации и развитию социальных сетей.

Так же как культур-индустрия у Т. Адорно была шаблонной, иерархичной и однонаправленной (от продюсера фильма к кинозрителю), массовое производство тоже имело четко закрепленные роли производителя и потребителя. Сегодня же платформы превращают нас всех из пассивных потребителей в активных пользователей, провоцируя нас не только потреблять, но и производить контент, услуги и товары.

Так как социальные сети, маркетплейсы, поисковики и прочие сервисы по подбору услуг зарабатывают на сборе и обработке данных своих пользователей, то главным их стремлением будет не удерживать и производить потребительское желание, а удерживать и производить пользовательское внимание. Google, Amazon, Facebook ничего нам не продают напрямую, они лишь хотят, чтобы мы кликали, свайпали и лайкали, чтобы все более точно предсказывать и модерировать наше поведение. И главными инструментами здесь становятся шеринг, геймификация и дизайн².

«Либидинальная экономика», крепко сцепленная с «состоянием пост-модерна» в версии Дэвида Харви сегодня сменяется «экономикой внимания», повязанной с «надзорным капитализмом платформ». Активные пользователи, производимые платформенной культурой, в отличие от пассивных потребителей массовой, четко артикулируют свою идентичность, уверены в собственных способностях и возможностях влиять на политическую повестку. Кухонные и кулуарные разговоры полушепотом, приводившие обычно лишь к разведению рук в духе «а что мы можем?», стали публичными скандалами в социальных сетях, призывающими к немедленным действиям.

Политика идентичности, которую Фрэнсис Фукуяма описывает как наиболее эвристическую оптику при рассмотрении современных ему событий в мировой политике (Фукуяма, Соловьев, 2019), напоминает своими механиками инструменты цифровой гигиены. Баны, выходы из чата, кэнселлинг, закрытые сообщества — все это приводит к образованию пресловутых информационных пузырей, создаваемых на основе фильтров предпочтений. Радикализуясь в небольших «сектоподобных» сообществах, пользователи становятся активнее, яростнее, а главное — аутентичнее. Претензия на право самовыражения подлинной

²Подробнее об отчуждении внимания смотри в нашей статье (Liberman, 2021).

угнетенной идентичности лежит как в основании современных право-популистских режимов (Фукуяма, Соловьев, 2019: 17), так и в основании лево-ориентированных миноритарных сообществ. Возможность кэнселлинга и сепарации контента (а иногда кэнселлинга целых культур) одинаково упорно отстаивается и теми, и другими.

О связи платформ и практик перевода говорит, с одной стороны, распространение феномена машинного перевода, когда перевод оказывается доступен буквально каждому. С другой — появление пользовательских переводов, конкурирующих по качеству с профессиональными, потому что последние зачастую являются или трудно отличимыми от машинного³, или откровенно искажающими оригинал⁴.

Сегодня разные дисциплины обнаруживают эвристические способности перевода в качестве метода познания, сообщения, выстраивания собственной идентичности. Выступая против построения универсальных знаков, миров, перевод сам становится универсальной формулой современного мира. Однако, в этом его главная уязвимость. Культура, построенная на принципе перевода, не может существовать в качестве завершенной и оформленной, она требует постоянного переустройства устойчивых связей. Но именно такое новое мироустройство, которое многие исследователи несколько лет назад называли глокализацией, позволяет говорить о переводе как мировом языке. Перевод, таким образом, является не просто маркером или поверхностной идеологией современной эпохи, но одним из ее фундаментальных оснований.

И именно эта укорененность в настоящее, в политические и экономические отношения, заставляет нас более пристально и внимательно относиться к переводу. Не только как к феномену, требующему исследовательского внимания, но и как к реальной проблеме, реальной практике конструирования современных отношений.

³Подробнее см. пост Феликса Сандалова с сравнением машинного перевода и издательского книги Славоя Жижека «Небеса в смятении»: <https://www.facebook.com/from.depot/posts/pfbid02MfLcfue2QBDFhSFZSn5h5eof1UQu2AMDMAHuZ7GBGfYdeUuDfmt2BmzmKKJqsoVG1> или критику от Никиты Архипова переводов Лакана (Архипов, 2022).

⁴В качестве примера можно привести неутраченные дискуссии вокруг переводов работ Квентина Мейясу. Даже не говоря об уже упоминавшемся Никите Архипове, переводчике «Вненаучной фантастики», можно упомянуть подкаст «Новая нормальность» с переводчицей «После конечности» Линой Медведевой, где она высказывает несколько претензий к итоговому переводу (Миктум, Медведева, 2018) и статью Алексея Кардаша (Кардаш, 2022), где он указывает на сокращение 17 из 38 страниц исходного текста Итераций (Meillassoux, Masquay, 2012) при переводе от Транслита (Мейясу, Морозов, 2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует вспомнить основные наши положения.

Перевод может и должен быть рассмотрен как ведущая практика мировосприятия и (не)человеческих отношений. Аналогично тому, как мыслители эпохи лингвистического поворота склонны были трактовать мир как текст, как языковую конструкцию, многие современные мыслители принимают в качестве такой парадигмы мировосприятия перевод. Ярким примером теории, в которой «все оказывается переводом» является АСТ в изложении Бруно Латура, или даже «социология перевода» (Латур, Полонская, 2014)

Основное отличие парадигмы перевода от парадигмы языка кроется в онтологическом основании. Если первая рассматривает все феномены как часть единой системы, а базовым онтологическим положением является положение о тождестве, то вторая утверждает в таком качестве различие и говорит о радикальной множественности, удержании границ, сепарции, несовпадении культур. Главное условие возможности перевода — ситуация принципиальной непереводаемости и не-сводимости одного языка к другому. Непереводаемости — это то, что не перестает переводиться (Автономова, 2019).

Также можно выделить и исторические основания парадигмы перевода в противовес парадигме языка. Таким можно считать различие между глобализацией и глокализацией, либидинальной экономикой и экономикой внимания. Транснациональные, в первую очередь, финансовые корпорации были потеснены цифровыми платформами, что привело к превращению пассивных потребителей в активных пользователей и расцвету политик идентичности, побуждающих людей активно заявлять о себе и бороться за признание.

Перевод, заняв место мирового универсального языка, таит в себе все знакомую опасность универсализации и тоталитарности. Принципы работы платформ, где перевод оказывается встроенным в практики мирового капитализма и воспроизводство единого миропорядка наглядно это демонстрирует. Именно напряжение между эмансипаторным потенциалом перевода как практики различий и его тоталитарным претензиями внутри платформ мы считаем ключевым для понимания современной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н. С.* После Вавилона, или о переводе «непереводимостей» // Шаги-Steps. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 216–225.
- Архипов Н. А.* Комментарий на новый перевод Лакана или «D'une traduction qui est de merde» / Sygma. — 2022. — URL: <https://syg.ma/@nikita-archipov/kommentarii-na-novyi-pierievod-lakana-ili-dune-traduction-qui-est-de-merde> (дата обр. 26 февр. 2023).
- Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. П. Ташкенова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Берман А.* Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии / пер. с фр. М. Ю. Бендет // Логос. — 2011. — Т. 84, № 5/6. — С. 92–113.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Академический проект, 2007.
- Вивейруш де Кастру Э.* Канибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Европейский словарь философий : Лексикон непереводимостей. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б. Кассена ; пер. с фр. Д. Ардамацкой и др. — Киев : Дух і літера, 2015.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. В. Сафронова. — М. : Художественный журнал, 1999.
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. — М. : Издательство Института Гайдара, 2022.
- Кардаш А. М.* Жизнь и судьба господина Мейясу в эпоху спекулятивного реализм / *Insolarance Cult.* — 2022. — URL: <https://insolarance.com/the-life-and-suffering-of-meillassoux/> (дата обр. 26 февр. 2023).
- Касаткина А. К.* Рец. на кн. : Анна Лёвенхаупт Цзин. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. Ad Marginem Пресс, 2017. 376 с. // Антропологический форум. — 2018. — № 39. — С. 213–224.
- Колозариди П. В.* Сокровенный надзор : зачем Шошане Зубофф старый капитализм и можно ли без него обойтись? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2022. — № 4. — С. 250–260.
- Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Мейясу К.* Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого смысла / пер. с фр. А. В. Морозова // Транслит. — 2017. — № 19. — С. 77–85.
- Миктум В., Медведева Л. К.* Мейясу: «После конечного» / Новая нормальность. Подкаст № 21 / Саундстрим. — 2018. — URL: <https://soundstream.media/clip/k-meuyasu-posle-konechnogo-21> (дата обр. 26 февр. 2023).
- Ортега-и-Гассет Х.* В гуще грозы / пер. с исп. А. М. Гелескула // Иностранная литература. — 1998. — № 3. — С. 235–249.

- Руднев В. П.* Язык и смерть // Логос. — 2000. — Т. 22, № 1. — С. 111–137.
- Сафронов Э. Е.* Состояние постмодерна в 2021 году // *Galactica Media : Journal of Media Studies*. — 2021. — № 1. — С. 210–217.
- Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. — М. : Издательский дом ВШЭ, 2019.
- Федотова В. Г.* Концепции культурных и социальных поворотов и их эвристические возможности // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 3. — С. 111–137.
- Фукуяма Ф.* Идентичность : стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. А. В. Соловьева. — М. : Альпина Паблишер, 2019.
- Цзин А. Л.* Гриб на краю света : о возможности жизни на руинах капитализма / пер. с англ. Ш. Мартыновой. — М. : Ad Marginem, 2017.
- Цукерман Э.* Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / пер. с англ. Д. Л. Симановского. — М. : Ad Marginem, 2015.
- Чакрабарти Д.* Провинциализируя Европу / пер. с англ. П. С. Бавина. — М. : Гараж, 2017.
- Шалагинов Д. С., Сержан Э. М.* Истории преобразующего краха. Рецензия на книгу : Цзин А. Л. (2017) Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. Пер. с англ. Ш. Мартыновой, М.: Ad Marginem // Социология власти. — 2018. — Т. 31, № 2. — С. 240–253.
- Эжо У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с итал. А. Ю. Мирюловой. — СПб. : Alexandria, 2007.
- Bachmann-Medick D.* Cultural Turns : A Matter of Management? // *ReThinking management* / ed. by W. Küpers, S. Sonnenburg, M. Zierold. — Wiesbaden : Springer, 2017. — P. 31–55.
- Bhabha H. K.* The Location of Culture. — London, New York : Routledge, 1994.
- Clifford J.* On Ethnographic Authority // *Representations*. — 1983. — No. 2. — P. 118–146.
- Clifford J.* Introduction. Partial Truths // *Writing Culture : The Poetics and Politics of Ethnography* / ed. by J. Clifford, G. E. Marcus. — Berkeley : University of California Press, 1986. — P. 31–55.
- Lieberman S.* Attention Deficit : Alienation in Platform Capitalism // *Symposion*. — 2021. — Vol. 1, no. 8. — P. 79–88.
- Meillassoux Q.* Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign / trans. from the French by R. Mackay. — 2012. — URL: https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf (visited on Feb. 26, 2023) ; Unpublished.

Liberman, S. A., and A. K. Khayaleeva. 2024. "Ot global'nogo yazyka k lokal'nomu perevodu [From Global Language to Local Translation]: ob osnovaniyakh i posledstviyakh 'perevodcheskogo povorota' [About the Grounds and Consequences of the "Translation Turn"]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 130–148.

SAMSON LIBERMAN

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-9987-9905

ADELYA KHAYALEEVA

PHD IN PHILOSOPHY

KAZAN STATE MEDICAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA)

FROM GLOBAL LANGUAGE TO LOCAL TRANSLATION

ABOUT THE GROUNDS AND CONSEQUENCES

OF THE "TRANSLATION TURN"

Submitted: Apr. 07, 2023. Reviewed: Sept. 12, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: The authors point out that translation has become a significant phenomenon not only in the fields of language and text, but also within political, social, and ontological spheres. The main purpose of the study is to define the "translation turn" not only as a continuation and development of the linguistic turn, but also as its denial and opposition. The authors propose to consider the main difference between these aforementioned turns as an ontological confrontation of identity and difference, where language is on the side of the former while translation sides with the latter. The authors consider that the economic-historical foundation of this turn lies in the transition from globalization to "glocalization". The distinctive feature of glocal capital is implied to be the emergence of platforms and relevant systems of production and consumption. The main outcome of the article is the formulation of the contradiction between the emancipatory potential of translation practices and the totalizing implementation of this principle in modern capitalism.

Keywords: Translation, Culture as Translation, Discourse, Linguistic Turn, Cultural Turn, Translation Turn, Difference, Identity.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-130-148.

REFERENCES

- Arkhipov, N. A. 2022. "Kommentariy na novyy perevod Lakana ili 'D'une traduction qui est de merde' [Commentary on Lacan's New Translation or 'D'une traduction qui est de merde']" [in Russian]. *Syigma*. Accessed Feb. 26, 2023. <https://syg.ma/@nikita-archipov/kommentarii-na-novyi-pierievod-lakana-ili-dune-traduction-qui-est-de-merde>.
- Avtonomova, N. S. 2019. "Posle Vavilona, ili o perevode 'neperevodimostey' [After Babylon, or On the Translation of 'Untranslatables']" [in Russian]. *Shagi-Steps* 5 (3): 216–225.
- Bachmann-Medick, D. 2017. "Cultural Turns: A Matter of Management?" In *ReThinking management*, ed. by W. Küpers, S. Sonnenburg, and M. Zierold, 31–55. Wiesbaden: Springer.

- Bachmann-Medik, D. 2017. *Kul'turnyye povoroty. Novyye oriyentiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Twists. New Orientations in the Sciences of Culture] [in Russian]. Trans. from the German by S. P. Tashkenov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Baudrillard, J. 2007. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Pour une critique de l'économie politique du signe] [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt.
- Berman, A. 2011. "Isipyaniye chuzhim. Kul'tura i perevod v romanticheskoy Germanii [L'Épreuve de l'étranger]" [in Russian], trans. from the French by M. Yu. Bendet. *Logos* 84 (5–6): 92–113.
- Bhabha, H. K. 1994. *The Location of Culture*. London and New York: Routledge.
- Cassin, B., ed. 2015. [in Russian]. Vol. 1 of *Yevropeyskiy slovar' filosofiy* [European Dictionary of Philosophy] : *Leksikon neperevodimostey* [The Lexicon of Untranslatable], trans. from the French by D. Ardamatskaya et al. 2 vols. Kiyev [Kiev]: Dukh i litera.
- Chakrabarti, D. 2017. *Provintsializiruyaya Yevropu* [Provincializing Europe] [in Russian]. Trans. from the English by P. S. Bavin. Moskva [Moscow]: Garazh.
- Clifford, J. 1983. "On Ethnographic Authority." *Representations*, no. 2, 118–146.
- . 1986. "Introduction. Partial Truths." In *Writing Culture : The Poetics and Politics of Ethnography*, ed. by J. Clifford and G. E. Marcus, 31–55. Berkeley: University of California Press.
- Eco, U. 2007. *Poiski sovershennogo yazyka v yevropeyskoy kul'ture* [La ricerca della lingua perfetta nella cultura europea] [in Russian]. Trans. from the Italian by A. Yu. Mirolyubovaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Alexandria.
- Fedotova, V. G. 2019. "Kontseptsii kul'turnykh i sotsial'nykh povorotov i ikh evristicheskiye vozmozhnosti [Concepts of Cultural and Social Gates and their Heuristic Possibilities]" [in Russian]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniy* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 3, 111–137.
- Fukuyama, F. 2019. *Identichnost' [Identity]: stremleniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Desire for Recognition and Politics of Rejection] [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Solov'yev. Moskva [Moscow]: Al'pina Publisher.
- Kardash, A. M. 2022. "Zhizn' i sud'ba gospodina Meyyasu v epokhu spekulativnogo realizma [The Life and Fate of Mr. Meillassoux in the Era of Speculative Realism]" [in Russian]. *Insolarance Cult*. Accessed Feb. 26, 2023. <https://insolarance.com/the-life-and-suffering-of-meillassoux/>.
- Kasatkina, A. K. 2018. "Rets. na kn.[Review of the Book]: Anna Lëvenkhaupt Tszin. Grib na krayu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma. Ad Marginem Press, 2017. 376 s. [Anna Levenhaupt Jing. Mushroom at the Edge of the World: About the Possibility of Life on the Ruins of Capitalism. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 376 p.]" [in Russian]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], no. 39, 213–224.
- Kolozaridi, P. V. 2022. "Sokrovennyy nadzor [Secret Supervision]: zachem Shoshane Zuboff staryy kapitalizm i mozjno li bez nego obyitis'? [Why Does Shoshana Zuboff Need Old Capitalism and is it Possible to Do Without it?]" [In Russian]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An Inviolable Reserve. Debates on Politics and Culture], no. 4, 250–260.
- Latour, B. 2014. *Peresborka sotsial'nogo* [Reassembling the Social]: *vvedeniye v aktor-no-setevuyu teoriyu* [an Introduction to Actor-Network-Theory] [in Russian]. Trans. from the English by I. Polonskaya. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- Liberman, S. 2021. "Attention Deficit: Alienation in Platform Capitalism." *Symposion* 1 (8): 79–88.

- Meillassoux, Q. 2012. "Iteration, Reiteration, Repetition [Répétition, itération, réitération]: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign [une analyse spéculative du signe dépourvu de sens]." Trans. from the French by R. Mackay. Unpublished. Accessed Feb. 26, 2023. https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf.
- . 2017. "Iteratsiya, reiteratsiya, povtoreniye. Spekulyativnyy analiz znaka, lishennogo smysla [Répétition, itération, réitération]" [in Russian], trans. from the French by A. V. Morozov. *Translit*, no. 19, 77–85.
- Miktum, V., and L. Medvedeva. 2018. "K. Meyyasu: 'Posle konechnogo' / Novaya normal'nost'. Podkast № 21 [Q. Meillassoux: 'After the Final']" [in Russian]. Soundstream. Accessed Feb. 26, 2023. <https://soundstream.media/clip/k-meyyasu-posle-konechnogo-21>.
- Ortega y Gasset, J. 1998. "V gushche grozy [Préface pour le lecteur français 'La révolte des masses']" [in Russian], trans. from the Spanish by A. M. Geleskul. *Inostrannaya literatura [Foreign Literature]*, no. 3, 235–249.
- Rudnev, V. P. 2000. "Yazyk i smert' [Language and Death]" [in Russian]. *Logos* 22 (1): 111–137.
- Safronov, E. Ye. 2021. "Sostoyaniye postmoderna v 2021 godu [The State of Postmodernity in 2021]" [in Russian]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, 210–217.
- Shalaginov, D. S., and E. M. Serzhan. 2018. "Istorii preobrazuyushchego krakha. Retseziya na knigu [Stories of Transformative Collapse. Book Review]: Tszin A. L. (2017) Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma. Per. s angl. Sh. Martynovoy, M.: Ad Marginem [Tsing A. L. (2017) Mushroom at the Edge of the World. About the Possibility of Living on the Ruins of Capitalism. Translated from the English by Sh. Martynova, Moscow: Ad Marginem]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 31 (2): 240–253.
- Srnicek, N. 2019. *Kapitalizm platform [Platform Capitalism]* [in Russian]. Trans. from the English by M. Dobryakova. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom VSh-E.
- Tszin, A. L. 2017. *Grib na krayu sveta [Mushroom on the End of the World]: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma [About the Possibility of Life on Capitalist Ruins]* [in Russian]. Trans. from the English by Sh. Martynova. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Viveiros de Castro, E. 2017. *Kannibal'skiye metafiziki: rubezhi post-strukturnoy antropologii [Metaphysiques cannibals. Lignes d'anthropologie post-structurale]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralachkin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Žižek, S. 1999. *Vozvyshennyy ob''yekt ideologii [The Sublime Object of Ideology]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Safronov. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennyy zhurnal.
- Zuboff, Sh. 2022. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]* [in Russian]. Trans. from the English by A. F. Vasil'yev. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Zuckerman, E. 2015. *Novyye soyedineniya. Tsifrovyye kosmopolity v kommunikativnyy epokhu [Rewire. Digital Cosmopolitans in the Age of Connection]* [in Russian]. Trans. from the English by D. L. Simanovskiy. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.